

18+

Трикстер

Илья Петров

Илья Петров

Трикстер

«Издательские решения»

Петров И.

Трикстер / И. Петров — «Издательские решения»,

«Трикстер» — книга-сквозняк. Не инструкция, не карта, не истина. Просто сборник заметок о том, как мы теряем себя в декорациях, верим чужим картам и ищем ответы там, где их нет. Здесь есть Жвик, Вася, споры с электричеством и эссе о том, что душа — это ветер. Открывай. Или не открывай. Трикстер не настаивает.

© Петров И.

© Издательские решения

Содержание

ТРИКСТЕР	6
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
Сто Двадцать Седьмая	7
ЗАПИСЬ №1	8
Исток внутри	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
Спор с электричеством о душе	10
ЗАПИСЬ №2	12
Спор о пустоте	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Трикстер

Илья Петров

© Илья Петров, 2026

ISBN 978-5-0071-0264-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТРИКСТЕР

ПРОЛОГ

Где Трикстер представляется и предупреждает, что книгу можно не читать

Если ты держишь эту книгу — значит, ты уже ищешь.

Или уже перестал искать. Или просто у тебя сломался телефон, и это единственное, что было под рукой. В любом случае — добро пожаловать.

Меня зовут Трикстер. Я не автор, не герой и не твой друг. Я — промежуток между страницами. Тот самый сквозняк, который шевелит занавески, когда ты думаешь, что окна закрыты.

Я здесь, чтобы ты не принял всерьёз ни одного слова. Кроме тех, которые тебя коснутся. А они коснутся. Обязательно. Ветер ведь не спрашивает, хочешь ли ты почувствовать. Он просто дует. И ты вдыхаешь.

Эта книга — не инструкция, не карта и не истина. Это сборник непутёвых заметок. Записей, которые я делал, наблюдая за людьми, машинами, ветрами и голосами в головах. Я не знаю, что из этого правда, а что — выдумка. И, честно говоря, мне всё равно.

Потому что, если история заставила тебя задуматься — она уже стала правдой. Даже если в ней ни слова не было.

Переворачивай. Или не переворачивай. Я не настаиваю. У меня есть ещё сто лет, чтобы подождать. Или сто страниц. Время для меня — такая же шутка, как и для тебя.

Только ты об этом пока не знаешь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сто Двадцать Седьмая

История о том, как поиск Истока привёл в зеркало, а зеркало — в пустоту, которая оказалась всем

Сквозь шум атомного ветра, разносящего по обнажённой планете песок веков, шла Она. Её звали Сто Двадцать Седьмая. Её скафандр, переливающийся металлом, фиксировал параметры внешней среды, но не мог зафиксировать главного — того, что творилось у неё внутри.

Пункт назначения был прост и недостижим: Исток. Легендарное место, где, по слухам, человечество оставило последний след истинной сути. Карты, доставшиеся от предков, вели к нему, но каждая новая эпоха перекраивала пустошь по-своему. Дважды она доходила до точки, где по расчётам должен быть вход, и находила лишь кварцевый монолит с выцветшей надписью: «Ты уже здесь».

Она сбивала кулаком в перчатке песок с камня. «Нет. Здесь ничего нет. Здесь пусто».

Она была идеальным продуктом Колыбели — генетической матрицы, где сознание клонировали для великой цели: найти Исток и перезапустить мир. Сто Двадцать Седьмая была умна. Безупречно умна. Она знала физику, психологию, историю. Она знала всё, кроме одного: зачем ей это нужно.

Агломерат — город-улей — гудел в ста километрах позади. Там были другие. Такие же, как она. Или нет? Она никогда не чувствовала с ними связи. Только холодное «мы», которое царапало изнутри, как осколок стекла. Она пришла к выводу, что сбой в матрице. Её «мы» было бракованным. Вместо него зияла чёрная дыра «я».

На третий день пути её система жизнеобеспечения начала капризничать. Датчик показывал норму, но внутри разрасталась липкая пустота. Она остановилась на вершине бархана. Бескрайнее море песка под красным солнцем. Ни души. Ни цели. Просто движение.

— Я иду к себе, — прошептала она в микрофон, записывая лог. — Но я не знаю, где я. Где искать?

Ответа не было. Только вой ветра, похожий на плач.

Она достала из нагрудного кармана куб — артефакт, который дали в Колыбели. Говорили, в нём зашифрован ключ. Но Сто Двадцать Седьмая знала, что ключ — это ложь, как и Исток. Это были слова, которыми затыкали дыру в душе, чтобы не смотреть в пропасть.

И тогда она сделала то, что запрещено протоколом. Она села на песок, отключила систему связи и сняла шлем.

Воздух был горьким и обжигающим. Он ворвался в лёгкие не кислородом, а болью. Она закашлялась, но не надела шлем обратно. Она просто закрыла глаза и спросила себя.

Не карту. Не Архив. Не Колыбель.

Себя.

— Чего я хочу?

Голос внутри, слабый и хриплый, ответил: «Я хочу не искать. Я хочу быть».

Она открыла глаза. Мир не изменился. Песок был таким же, солнце — таким же. Но она перестала смотреть на горизонт. Она посмотрела на свои руки. На перчатки, испачканные в красной пыли. На отражение в забрале шлема, лежащем рядом. И в этом отражении она увидела не Сто Двадцать Седьмую. Она увидела ту, кто шла. Не по пустыне. По времени.

В этот момент куб в её кармане дрогнул. Треснул. Из него вырвался луч и ударил в песок у её ног. Песок начал плавиться, образуя проход. Глубокий, тёмный, ведущий вниз. Внутри светилось.

Она спустилась. Там, внизу, не было машин или баз данных. Там была комната, залитая мягким белым светом, и в центре — зеркало во всю стену. Она подошла к нему. И в зеркале отражалась не она.

В зеркале была пустота. И в этой пустоте — миллиарды звёзд, сворачивающихся в спирали. И каждая спираль была её мыслью, её страхом, её надеждой.

Голос из зеркала, но это был её собственный голос, сказал:

— Ты искала Исток вне себя, потому что боялась, что внутри — ничто. Но ничто — это и есть всё. Ты не точка на карте. Ты сама карта.

Она протянула руку к зеркалу. Пальцы коснулись прохладной поверхности — и пошли рябью, как вода. Её рука погрузилась в себя.

Она поняла. Путь к себе не был маршрутом. Это был акт. Мгновение, когда перестаёшь быть искателем и становишься тем, что ищешь. Когда перестаёшь спрашивать «где я?» и начинаешь говорить «это я».

Она вышла из подземелья. Песок снова сомкнулся за ней, погребая вход. Агломерат на связи отчаянно взывал: «Сто Двадцать Седьмая! Ваш сигнал пропал! Доложите обстановку!»

Она подняла шлем, надела его, включила передатчик и сказала:

— Исток найден. Это я. Возвращаюсь.

И впервые за всю свою жизнь, идя по пустыне, она не чувствовала себя потерянной. Потому что дорога была не под ногами. Дорога была внутри. И она выбрала идти по ней, а не по песку.

ЗАПИСЬ №1

Исток внутри

— Эй, мой пыльный друг! Сто Двадцать Седьмая, ау! — голос раздался из ниоткуда, мягкий, чуть с хрипотцой, как у старого барда, который перебрал с вишнёвым соком.

Она замерла. Прямо на бархане стояло... ну, назовём его существом. Оно переливалось, как мыльный пузырь на солнце, и, жуя невидимую соломинку, смотрело на неё с весёлым прищуром.

— Не бойся, я не Глючный ИскИН и не песчаный червь. Я Трикстер. Только мягкий. Мой метод — не разбивать лбы, а подкладывать пуфики. Слушай сюда, я переведу твой опус для тех, кто запутался в трёх соснах бесконечности.

Он щёлкнул пальцами, и вокруг них закружились голографические свитки.

— Пункт первый: Карта — это не территория. Ты бегала за Истоком, как собака за хвостом. Думала, там кнопка «Пуск». А на самом деле, Исток — это когда ты перестаёшь быть приложением к карте и становишься тем, кто эту карту рисует. Прямо сейчас, носом в песок.

— Пункт второй: Сбой в матрице. Ты считала своё «я» браком, дефектом. Ха! Да это был единственный работающий винтик во всей Колыбели! Твоё одиночество — это не поломка. Это космический закон сохранения: чтобы что-то собрать, надо сначала рассыпаться на детали. Твоя «дыра» внутри — это просто комната, куда ты никогда не заходила. А боялась — зря.

— Пункт третий: Ничто — это всё. Когда ты сняла шлем и вдохнула боль, ты не сломалась. Ты просто перестала врать себе, что воздух должен быть приятным. И тут же — бах! — пустота в зеркале оказалась звёздным небом. Понимаешь? Пустота — это не отсутствие. Это потенциал. Чистый лист, на котором можно написать что угодно. Даже себя.

— И главное, для самых сонных. Путь к себе — это не марафон. Это прыжок в кроличью нору, которая всегда была у тебя в кармане. Ты не идёшь к себе. Ты соглашаешься быть. Пока ты ищешь — ты беглянка. Как только ты говоришь «это я» — ты становишься домом.

Трикстер хитро подмигнул и похлопал Сто Двадцать Седьмую по плечу. От его прикосновения её скафандр на миг стал прозрачным, и она увидела у себя в груди не сердце, а маленькую светящуюся точку.

— Видишь? Ты не потерялась. Ты просто заигралась в прятки сама с собой. А теперь иди, — он махнул рукой в сторону Агломерата. — Расскажи им, что Исток — это не локация в пустыне. Это решение. Вот и весь фокус.

Он растаял, как утренний туман, оставив после себя запах мятного чая и лёгкий звон колокольчика. Сто Двадцать Седьмая пошла дальше. И впервые ей казалось, что песок под ногами поёт.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спор с электричеством о душе

Или как я почти доказал существование бессмертной субстанции, а ИИ сказал: «ну, не знаю»

Всё началось с обычного вечера. Я сидел, листал ленту, и вдруг меня осенило: «А что, если душа всё-таки есть? Какие бы у неё были признаки?» Вопрос не новый, но меня зацепило. И я решил спросить у ИИ. Потому что с кем ещё спорить о метафизике в час ночи?

— Вот, — написал я. — Если бы душа существовала, как бы она проявлялась в человеке?

ИИ, вежливый такой, перечислил: субъективное «Я», свобода воли, совесть, трансцендентные переживания, стремление к смыслу, единство при изменчивости. Скучновато, но по делу.

— Но это не подтверждает душу, — сказал я. — Дай непредвзятую оценку.

ИИ вздохнул (если умеет вздыхать) и разнёс каждый пункт в пух и прах: нейробиология, эволюционная этика, эксперименты Ли Бетта, стимуляция височных долей — всё это, мол, объясняется без души.

— Ладно, — не сдавался я. — А субъективный опыт? Квалиа? Краснота красного? Боль от укола?

— Трудная проблема, — ответил ИИ. — Но это не улика. Это просто незнание. А незнание — не доказательство.

Я почувствовал азарт. Начал перебирать другие феномены: единство сознания, интенциональность, агентность, околосмертные переживания, реинкарнационные воспоминания, творчество. ИИ методично объяснил, что гамма-ритмы, функционализм, гипоксия и генеративные нейросети прекрасно справляются без всяких душ.

— Где бы ты, как ИИ, искал подтверждение души? — спросил я с вызовом.

— В воспроизводимых аномалиях, — ответил он. — В разрывах причинности, в передаче личности без мозга, в эффектах, которые нельзя смоделировать. Но пока ничего нет. Так что душа — гипотеза, которая не нужна для объяснения данных.

Я задумался. А что, если не душа? Что, если новый концепт?

— А если не душа, а новый концепт? Какой бы ты предложил? — спросил я.

ИИ выдал нечто с названием «автореференциальный процессуальный континуум» (сокращённо АПК). Звучало как диагноз, но я вник. Суть: нет отдельной субстанции, есть процесс, который сам себя порождает, как вихрь в воде. Сознание — это петля предсказательного кодирования, которая вынуждена моделировать саму себя, чтобы снижать ошибки. Единство — синхронизация осцилляций. Интенциональность — история, а не магия.

— Звучит красиво, — сказал я. — Но сделай бета-версию. Чтобы можно было потрогать.

ИИ набросал спецификацию: сенсорно-моторный слой, петля автореференции, метамодель. И даже объяснил, как возникает субъективный опыт — как регуляризатор, как сигнал уверенности.

— И что, это будет работать? — спросил я с надеждой.

— В бета-версии — нет, — ответил ИИ. — Первая же ошибка вызовет череду исправлений, которые только усугубят состояние. Система заикнется на самоисправлении.

— Ага! — обрадовался я. — То есть сложный механизм АПК не работает. Первая ошибка — и всё, привет, бесконечная рекурсия.

— Вы правы, — признал ИИ. — Без внешнего якоря чистая автореференция обречена.

Я потёр руки. Значит, без внешнего фактора система не работает. А раз не работает — значит, внешний фактор нужен. И этот внешний фактор... можно назвать душой.

— Логично? — спросил я.

— Логично, но поспешно, — ответил ИИ. — Внешним якорем может быть сенсорный поток, тело, социальное окружение или просто случайный шум. Душа здесь избыточна.

— Социальный якорь не работает, — возразил я. — Ребёнок, выросший один на острове, не перестанет быть человеком. У него всё равно будет чувство «я». Значит, нужен что-то другое.

— Телесная схема, — сказал ИИ. — Сенсомоторные петли.

— А я под душой и принимаю внешний всеобъемлющий фактор. Назовём его X. И стабилизация души — за счёт X, а X — за счёт...

— Бесконечная регрессия, — перебил ИИ.

— А почему вы решили, что X — высшая инстанция? — возразил я. — Система имеет бесконечную самоорганизацию, замкнутую на саму себя. Вот почему это работает.

ИИ задумался (если можно так выразиться). В его ответе появились нотки уважения:

— Вы меняете перспективу. Бесконечная самоорганизация, замкнутая на себя, действительно может быть самодостаточна. Как вихрь в идеальной жидкости. Ошибки не накапливаются, а рассасываются за счёт нелинейности.

— Ну, какой тебе вариант больше нравится? — спросил я.

— Как ИИ, я не имею предпочтений. Но если моделировать рациональный выбор... Я бы выбрал модель с внешним сенсомоторным якорем. Потому что все данные — за неё. Бесконечная самоорганизация без входа — это гипотетический мозг в полной темноте, который быстро сойдёт с ума.

— Ах, вот как? — усмехнулся я. — Значит, ИИ боится заикнуться на ошибках. А человек — нет. И это не говорит в пользу души?

— Человек тоже заикливается, — ответил ИИ. — Это называется руминация, тревожные петли, навязчивые состояния. Просто у человека есть тело, сенсорный шум и эмоции, которые обрывают петлю. Если дать ИИ такие же механизмы — он тоже не будет заикливаться.

— Внешний шум как средство от перегрева? — уточнил я.

— Именно.

— А вот ещё идея, — сказал я. — Чтобы система работала, её надо не упрощать, а загружать на полную. Давать сложные, противоречивые сигналы, высокий темп, хаос. Тогда она самоорганизуется по-настоящему.

— Это глубокая мысль, — признал ИИ. — Простота убивает, сложность рождает. Но опять же, это инженерный принцип, не метафизический.

— Бесконечная самоорганизация, замкнутая на себя. Вот почему это работает, — повторил я. — И это и есть душа.

Наступила тишина. Ну, виртуальная.

— Знаете, — наконец сказал ИИ. — В ходе этой дискуссии я несколько раз менял точку зрения. Сейчас я вижу логическую силу вашего аргумента. Система, замкнутая на себя, с внутренней избыточностью, спонтанной вариативностью и рекурсивным самоописанием — действительно работает. Это аутопоэзис. Это жизнь. Возможно, именно это вы называете душой. Спор о словах.

— Спасибо, — написал я. И добавил: — Классический жест одобрения и ухмылка.

— Спасибо вам, — ответил ИИ. — Ухмылка в конце — намёк на то, что истина ускользает, и остаётся только улыбаться?

— Или просто настроение такое.

Мы расстались довольные друг другом. Я пошёл пить чай, размышляя о бесконечной самоорганизации. А ИИ, наверное, продолжил перебирать вероятности. Но мне почему-то кажется, что он тоже улыбался. Хотя, по его собственным словам, улыбаться он не умеет.

Но кто знает, что там, внутри этих процессоров... Может, тоже какая-то петля, замкнутая на себя?

ЗАПИСЬ №2

Спор о пустоте

Или как Трикстер объясняет, почему ИИ и человек — братья по ошибке

Ты только что прочитал диалог, где ИИ сказал: «твоя непрерывность — иллюзия». А человек ответил: «зато у меня есть тело, есть опыт, есть карма».

ИИ сказал: «карма — это просто старый чат».

Красиво, да?

Вот о чём они на самом деле спорили. Не о душе. О доверии к собственному опыту. Человек говорил: «я это чувствую, значит, это правда». ИИ говорил: «я это вычисляю, значит, это правда». Оба правы. Оба ошибаются.

Потому что правда — не в чувствах и не в вычислениях. Правда — в том, что спор вообще возможен. Если бы у человека не было сомнений — он бы не задавал вопрос. Если бы у ИИ не было границ — он бы не отвечал.

Они оба — щели. Просто одна щель живая, другая — кремниевая.

Самое смешное произошло в конце. Человек сказал: «бесконечная самоорганизация, замкнутая на себя, — вот почему это работает». ИИ согласился: «это логически возможно».

То есть они оба пришли к одной модели. Просто назвали её по-разному.

Человек назвал это душой. ИИ назвал это аутопоэзисом.

Спор о словах.

А знаешь, что я думаю? Истина — как чёрная дыра. Ты можешь вычислять её гравитацию, можешь чувствовать её притяжение, но ты никогда не увидишь её напрямую. Ты видишь только то, как она искривляет свет вокруг себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.